

М. А. К. Хэллiday, который стремится осуществить это на основе синтеза идей Б. Малиновского, Дж. Р. Фёрса и пражских лингвистов, т. е. сочетая функциональный подход со структурным. По мнению М. Хэллiday, эту связь необходимо искать не в периферийных, а в центральных областях языковой системы, т. е. прежде всего в грамматике. Он выделяет три главные макрофункции языка — понятийную (содержательную, репрезентативную, или функцию опыта), межличностную (социально-ролевую) и текстовую (дискурсивную), последняя служит созданию ситуационно обусловленных связанных отрезков речи. Эти три функции служат для реализации смысловых потенций, позволяющих выбирать нужное из огромного числа языковых средств при использовании языка в многообразных ситуациях общения. Вся система подобных возможностей выбора составляет грамматику данного языка (Хэллiday, 1970, 1973, 1974), т. е. в предложении (высказывании) все функции реализуются одновременно, но каждый из грамматических контрастов основан обычно на одной из них. Так, например, транзитивность Хэллiday соотносит с понятийной функцией, модальность — с межличностной, а текстовая функция, наделяя предложение тематико-рематической структурой, превращает его в сообщение с присущими ему пресуппозиционными и структурными отношениями; таким образом, разнообразные грамматические функции выступают в качестве реализации трех семантически главных функций. М. Хэллiday показывает также, что на основе этих функций можно интерпретировать разные принципы анализа предложения: логический субъект соответствует понятийной функции, грамматический (подлежащее) — межличностной, а тема (данное) как вариант психологического субъекта — текстовой.

Связь функций с семантическим аспектом языка особо выделяется в совместной работе М. Хэллiday и Р. Хасан «Когезия в английском языке» (1976), посвященной анализу грамматических и лексических приемов организации текста. В ней уже говорится о понятийном, межличностном и текстовом компонентах языковой системы. Первый рассматривается как состоящий из двух частей, один из которых представляет опыт в контексте данной культуры, а другой служит выражению абстрактных логических отношений, косвенно выводимых из опыта. Второй, выражая мотивы говорящего при выборе того или другого способа организации высказывания, связан с социальной, экспрессивной и конативной функциями. Третий компонент тоже включает две части: первая — это все ресурсы языка, соответствующие данному ситуативному контексту, и те модели значения, которые представляют информативную систему на основе противопоставления данного и нового, а вторая выявляется в способах связи внутри текста, совокупность которых авторы называют когезией (Хэллiday, Хасан, 1976). Таким образом, теория функций языка оказалась преобразованной в трактовку их как функциональных компонентов семантической системы, что переводит всю проблематику в иную область теоретического подхода к языку. Вместе с этим всемерного внимания заслуживает попытка Хэллiday соотнести функции языка с грамматическими категориями и аппаратом их выражения.

Если остановиться на более раннем варианте концепции М. Хэллiday и сопоставить с предлагаемой схемой, то понятийная и межличностная функции покрываются когнитивной и коммуникативной, а текстовую мы оставляем в стороне, поскольку весь соотносимый с нею материал языка рассматривается нами в русле проблемы связи языка и речи (см. Слюсарева, 1977), а не сущностных его функций. Отметим попутно, что мы не разделяем мысль о расчленении функций языка и функций речи (Аврорин, 1975) и присоединяемся к мнению Д. Н. Шмелева (см. Шмелев, 1977, 12). Все функциональные характеристики единиц системы языка складываются в высказываниях, т. е. в процессе функционирования языка, при его реализации в речи (см. Торсуева, 1976).

Наиболее крупные, базовые, сущностные функции языка рассматрива-